

А. В. Тоичкина

Санкт-Петербургский государственный университет

КУЛИШ И БАЙРОН (К ИСТОРИИ УКРАИНСКОГО ПЕРЕВОДА «ДОН ЖУАНА»)

Переводы произведений Байрона занимают в творчестве П. А. Кулиша (1819–1897) особое место. Их можно разделить на три части: девять стихотворений, вошедших в сборник «Заимствованная кобза»; «Дон Жуан» («перепев»), первая песнь; «Паломничество Чайльд-Гарольда». Насколько нам известно, Кулиш первым предпринял попытку перевода на украинский язык последней поэмы Байрона. Он выбрал не «ученый» тип перевода, а «перепев», который позволял более свободно экспериментировать в области лексики и ритмики. Отдельным оттиском издание вышло в 1891 г. Оно предварялось вступлением Кулиша в духе Байрона, в котором он вспоминал события собственной жизни и объяснял смысл своего обращения к великой поэме. Кулиш видел свою задачу в том, чтобы дать перевод поэмы Байрона «Дон Жуан» в помощь молодому поколению украинцев как своего рода учебник жизни, как средство уберечься от духовных страстей, ворота которых открывает человеческий эгоизм. Кроме того, перевод поэмы был важен для Кулиша в плане разработки лирической повествовательной манеры, которую он применил в последней своей поэме «Кулиш в аду». В переводе мы видим текст, связанный с основным действием поэмы — началом биографии и первым любовным эпизодом из жизни Дон Жуана. Байрон, используя октаву, отказался от строгого языка, плавной интонации и формул поэтического «этикета»; он выработал свою манеру повествования и в поэме прибегал к доверительному тону, обращаясь к непосредственному опыту читателя. Перевод Кулиша на украинский язык столь сложного и богатого с точки зрения словаря, интонации, рифмы произведения стал достаточно непростым экспериментом. Этот перевод важен для исследования как творчества Кулиша, так и процессов формирования украинского литературного языка и украинской поэзии. Библиогр. 10 назв.

Ключевые слова: перевод *Дон Жуана*, поэтика, этическое содержание, романтизм, украинская литература, влияние.

Alexandra V. Toichkina

St Petersburg State University

KULISH AND BYRON (TO THE HISTORY OF *DON JUAN'S* TRANSLATIONS INTO UKRAINIAN)

Translations of Byron's works occupy a special place in the work of P. A. Kulish (1819–1897). They can be divided into three parts: nine poems included in the poetry collection *Borrowed kobza*; *Don Juan*, first canto; *Childe Harold's Pilgrimage*. As far as we know, Kulish was the first to attempt to translate Byron's last, unfinished poem into Ukrainian. He chose not the "learned" type of translation, but "rehash", which allowed more free experimentation in the field of vocabulary and rhythm. The edition was published as a separate reprint in 1891. Kulish saw his task in providing a translation of Byron's poem

Don Juan to help the younger generation of Ukrainians as a kind of textbook of life, as a means of protecting oneself from spiritual passions, from human egoism. In addition, the translation of the poem was important for Kulish in terms of developing a lyrical narrative style, which he applied in his last poem *Kulish in Hell*. Byron developed his own style of narration and used a confidential tone in the poem, referring to the direct experience of the reader. Kulish's translation into Ukrainian of such a complex and rich work in terms of vocabulary, intonation, and rhyme was a rather difficult experiment. This translation is important both for the study of the creativity of Kulish and the processes of formation of the Ukrainian literary language and Ukrainian poetry. Refs 10.

Keywords: *Don Juan* translation, poetics, ethical content, romanticism, Ukrainian literature, influence.

ВСТУПЛЕНИЕ

Переводческая деятельность занимает в жизни и творчестве известного украинского писателя, публициста, издателя, историка, фольклориста П. А. Кулиша (1819–1897) особое место. Кулиш освоил почти все славянские и многие западноевропейские (в частности, французский, английский, немецкий, итальянский, испанский, латинский) языки. Изучал он и древнееврейский. Конечно, его выбор авторов и произведений для перевода был не случаен и предопределен теми задачами, которые Кулиш считал чрезвычайно актуальными для развития украинской литературы. Так, он стремился развивать украинский язык, прививать родной словесности художественные формы, которые были освоены в истории русской и европейских литератур. Кулиш мечтал о том, что украинская литература, осваивая лучшие европейские образцы, сможет создать шедевры высочайшего уровня мировой художественной культуры.

Кроме того, писатель ставил идеологические задачи. Так, его переводы сочинений русских поэтов (А. А. Фета, А. С. Пушкина, И. С. Никитина, А. В. Кольцова, Д. Д. Минаева) конца 1880-х годов были вкладом Кулиша в создание «русского братства». Переводы из европейской литературы (Г. Гейне, И. В. Гете, Дж. Байрон, Ф. Шиллер, У. Шекспир) воплощали его мечту о том, чтобы украинская культура и украинский народ стали полноправной частью европейского мира путем расширения горизонтов, включения национальной культуры в европейский контекст через совершенствование ее художественных форм (жанровых, стихотворных). Так, как известно, Кулиш мечтал перевести всего Шекспира. Перевел он пятнадцать пьес¹. И. Я. Франко высоко ценил этапные для украинской литературы переводы Кулиша пьес Шекспира, он отметил их близость к оригиналам и индивидуальный стиль переводчика.

Важнейшим проектом для Кулиша в последние десятилетия его жизни стал перевод на украинский язык Библии, который он осуществил в сотрудничестве

¹ «Отелло», «Комедія помилок», «Троїл та Крессидида» (изданы в 1882), «Гамлет» (1899), «Приборкана гоструха», «Макбет», «Коріолан» (1900), «Юлій Цезарь», «Антоній і Клеопатра», «Багацько галасу з нечевля», «Ромео і Джульєта» (1901), «Міра за міру», «Король Лір» (1902); переводы «Венецького купця» и «Цимбеліни» были утеряны.

с И. С. Нечуй-Левицким и И. П. Пулюем (издание вышло в 1903 г.). Своими переводами Кулиш поднимал авторитет украинского языка, работал над раскрытием его потенциала и обогащением лексико-семантического состава.

Кулиш в своей творческой деятельности всю жизнь пытался реализовать двойную установку: с одной стороны, на сохранение национального своеобразия украинской культуры, с другой стороны, на расширение и обогащение ее кругозора, европеизацию ее форм и смыслов. Литературное творчество для него было средством «действовать благотворно на общество» (цит. по: [Нахлік 1996: 281]). Его эстетика строилась на романтических и просветительских установках. Так, в соответствии с романтической эстетикой, литература в его представлении должна быть проникнута высокими идеалами, должна выражать национальный дух народа, носить религиозный характер (поэт должен «бачить Бога чистоти / В твореннях рук його премудрих» (Кулиш 1909: 348)). Просветительские установки Кулиша диктовали такие задачи его литературной деятельности, как воспитание народа на основании общечеловеческой и христианской морали, национального патриотизма, утверждение гуманизма, формирование нации. Всем этим установкам была подчинена и переводческая деятельность писателя [Нахлік 1996: 281].

Кроме того, необходимо отметить, что Кулиш опирался на традиции русских и украинских переводов первой половины XIX в. Точность в передаче оригинала в первой половине XIX в. не была общепринятой установкой. Так и Кулиш иногда точно следовал за оригиналом, а иногда на основе переводимых текстов создавал фактически собственные авторские варианты оригинальных произведений.

В 1880–1890-х годах Кулиш опубликовал следующие циклы переводов: «Перепевы из великорусских песен» («Переспіви з великоруських співів», в сборнике стихов «Звон»), «перепевы» баллад Мицкевича (в сборнике стихов «Рассвет»), переводы стихов и баллад Гете, Шиллера, Гейне и Байрона, которые составили две части (и начало третьей, незавершенной) сборника «Заимствованная кобза». Перевел он и две большие поэмы Байрона: «Паломничество Чайльд-Гарольда» («Чайльд-Гарольдова мандрівка», издана в 1905 г.) и «Дон Жуан» («перспів»; начало публикации — 1890, отдельное издание — 1891 г.).

ПРОИЗВЕДЕНИЯ БАЙРОНА В ПЕРЕВОДАХ П. А. КУЛИША

Переводы сочинений Джорджа Байрона занимают особое место в наследии Кулиша. Тема переводов из Байрона непосредственно связана с вопросом о месте поэта в европейских национальных культурах XIX в., в частности славянских (русской, польской, украинской) литературах, об отношении Кулиша к великому английскому поэту и значении творчества Байрона для развития творческого метода украинского писателя. В рамках данной темы необходимо обозначить и проблему историко-культурного значения романтизма для личности и творчества Кулиша, и в целом тему рецепции представителем национальной культуры значимых для эпохи эстетических образцов и вечных тем и образов литературы.

Джордж Байрон — культовая фигура в европейском общественном и литературном сознании XIX в. Так, в России не было ни одного значительного автора, на самоопределение которого не повлиял бы Байрон. В истории украинской литературы XIX в. Т. Г. Шевченко называл Байрона «крупным» и «знаменитым» поэтом («Прогоулка с удовольствием и не без морали», см.: [Шевченко 2003: 211]), а также, по воспоминаниям О. Афанасьева-Чужбинского, любил читать «Прощальную песню Чайльд-Гарольда» в переводе Адама Мицкевича (часто цитировал из нее последнюю строфу). «Дон Жуана» Шевченко читал во французских переводах (см.: [Зорівчак 1976: 53]).

В XIX в. произведения Байрона активно переводили на языки национальных литератур, несмотря на возникавшие в процессе перевода трудности, связанные с лексическим и ритмическим богатством его произведений. С. П. Шевырев в своей статье по случаю выхода в свет перевода «Манфреда» Байрона, сделанного М. П. Вронченко, писал, что существуют «два рода переводов для изящных произведений: поэтические и ученые» [Левин 1991: 205]. В «поэтических переводах» точность и близость приносятся в жертву «изяществу выражения», в ученых — наоборот: «...верности и близости все приносят в жертву» (цит. по: [Левин 1991: 205]). Перевод «Манфреда» Вронченко Шевырев относил к первым русским «ученым» переводам.

Кулишу, судя по всему, Байрон был лично близок и своей активной гражданской позицией, и пониманием литературной деятельности как общественного и этического служения народу. На каждом следующем этапе жизни Кулиш по-новому осмыслял и личность, и творчество английского поэта. Это прочитывается в письмах Кулиша разных периодов его жизни. То он упоминает о покупке томика Байрона в ситуации, когда денег нет: «Я теперь живу очень скромно; перестал даже покупать вино из английского магазина (а другим я не верю), не покупаю даже книг, — только недавно купил Байрона, не отдаю в переплеты и словом — уменьшил свои расходы наполовину» (письмо Н. Д. Белозерскому от 12 января 1853 г.) (Кулиш 2009: 71); то, переживая драму в отношениях с Марко Вовчком, в письме к Милорадовичивне конца 1850-х годов он пишет:

Великі муки мою душу облягають, — я б Вам розказав, щоб і Ви знали, які бувають муки на світі. <...> Бажаю смерті з щирої душі, — більш мені нічого бажати! Байрон перед смертю сказав: “Єсть у мене дороге на світі, та рад я, що вмираю!” Так і я сказав би кінчаючись. От до чого доживсь я із своїм серцем гарячим, із своєю німотою душевною, із своїми високими помислами (письмо Милорадовичивне от 22 февраля 1859) (цит. по: [Нахлік 2006: 120]).

«Великие страдания мучают мою душу, — я бы Вам рассказал, чтоб и Вы знали, какие страдания бывают на свете. <...> Желая смерти от всей души, — больше мне нечего желать! Байрон перед смертью сказал: “Есть у меня дорогое на свете, но рад я, что умираю!” Так и я сказал бы, умирая. Вот до чего дожил я со своим сердцем горячим, со своєю немотой душевной, со своими высокими помыслами».

И в 1890 г., в год публикации перевода «Дон Жуана», в переписке Кулиша с Марусей Вовкивной снова возникает имя Байрона, которое, судя по всему, было для украинского поэта важным звеном в осмыслении собственной личной и общественной жизни. Так, переходя на «ты», он благодарит Марусю за то, *що похваляєш мене, сизокрила голубонько Марусю, за переклад «Дон Жуана»* («что хвалишь меня, сизокрылая голубка Маруся, за перевод “Дон Жуана”»); письмо от 22 ноября 1890 г. (цит. по: [Нахлік 2006: 256–257]). И не случайно эпитафия к своей последней поэме «Кулиш в аду» («Куліш у пеклі») Кулиш берет из «Дон Жуана» Байрона. Эпитафия чрезвычайно важен как самоопределение автора в отношении к своему творческому методу и повествовательной манере: *My Muse is not weeping Muse*.

Известные нам переводы П. А. Кулиша из Байрона можно разделить на три части:

1) девять стихотворений, вошедших в сборник «Заимствованная кобза» («Позичена кобза»): «Прощание с Родиной» («Прощанне з рідною Україною»); «Молитва природы» («Молитва природи»); «Надпись Байрона на могиле ньюфаунлендской собаки» («Байронова надпись на монументі ньюфаундлендського пса»); «Заплачешь обо мне, любимая, о! заплачешь» («Заплачеш по мені, кохана, о! Заплачеш...»); «Издадека» («Віддалеки»); «Слезы» («Сльози»); «Когда б я был мальчишка безразличный без заботы...» («Коли б я був хлоп'я байдужне без турботи...»); «Песня» («Пісня»); «Под метель» («Під хуртовину»);

2) «Дон Жуан» («перепев»), первая песнь (1890–1891);

3) «Чайльд-Гарольдова мандрівка» (перевод издан в 1905 г.).

«Паломничество Чайльд-Гарольда» П. А. Кулиш перевел целиком и закончил работу над переводом в 1894 г. Поэма эта была важна для него как в плане разработки украинского литературного языка, собственной манеры лирического повествования, так и в идеологическом, мировоззренческом отношении. Байрон в «Паломничестве» создает сложный синтез описательной классицистической поэмы с новыми романтическими принципами, в частности с новым типом героя и страстно-лирическими отступлениями автора. Открытая гражданственность авторской позиции, прямое обращение поэта к современникам превращали поэму в школу мысли и художественного мастерства. Как пишет Н. Я. Дьяконова:

Огромный масштаб поэмы — во времени (от древности до последних дней) и в пространстве, историзм мышления, заставляющий воспринимать судьбу личности как частицу всемирного процесса, говорили о причастности поэмы новым художественным движениям эпохи. В дальнейшем (1816–1818 гг.), в более поздних третьей и четвертой песнях, рамки поэмы раздвигаются еще больше. Она насыщается конкретно-историческим и философским содержанием, значительно более глубоким, чем в первых песнях. Доказательством тому служит такой анализ причин и следствий Французской революции, до какого возвысились лишь немногие из современников Байрона [Дьяконова 2022: 113].

Сам Кулиш в предисловии к переводу «Паломничества» обозначал свои задачи следующим образом: раскрытие потенциала украинского («старорусского», по определению Кулиша) литературного языка и обогащение украинской литературы лирической повествовательной манерой Байрона и Пушкина. Идеологическая задача сформулирована переводчиком парадоксально — дать новым поколениям уже ставший классическим памятник английской литературы для сплочения Русского мира:

И власть над нашими думами, и самая свобода с того времени (Речь идет о пушкинской эпохе. — А. Т.) так сосредоточилась в независимом от иноземного мира русском духе, что мы с совестью спокойною даем в руки просвещенному по-русски юношеству, в малороссийском переводе, творение литературного гения, этот памятник былого образа мыслей, былых симпатий и антипатий, которым так или иначе мы подчинялись. Приготовленное историей русского прошедшего к событиям грядущего, оно, это юношество, составляет надежный устой против набегающих на русские берега волн и бурь со стороны наций, противодействующих русскому воззрению (Байрон 1905а: IX–X).

И. Я. Франко, который подготовил и осуществил издание перевода Кулиша «Паломничества Чайльд-Гарольда» Байрона, неоднозначно оценивал результат переводческого труда. Связано это, с одной стороны, с критикой Франко языковой реформы Кулиша, с другой — с различиями в идеологических платформах писателей.

Приведем в рамках данного анализа пример перевода из «Паломничества Чайльд-Гарольда» знаменитой песни пажа «Adieu, adieu! My native shore...»:

Adieu, adieu! My native shore
Fades o'er the waters blue;
The night-winds sigh, the breakers roar,
And shrieks the wild sea-mew.
Yon Sun that sets upon the sea
We follow in his flight;
Farewell awhile to him and thee,
My native Land — Good Night!
(Byron 1956: 51)

Перевод П. А. Кулиша:

Прощай, мій краю, берегу рідний!
Вже ти зникаєш над синім морем;
Вітри ночні, ревучі хвилі
Разом співають із моїм горем.
Он сонце в морі тоне-сідає...
Марно за сонцем поженемося...
Прощай, яшеньке! Прощай, мій краю!
Чим же ми в пітьмі звеселимося?
(Куліш 1989: 265–266)

Перевод В. Левика второй половины XX века:

Прости, прости! Все крепнет шквал,
Все выше вал встает,
И берег Англии пропал
Среди кипящих вод.
Плывем на Запад, солнцу вслед,
Покинув отчий край.
Прощай до завтра, солнца свет,
Британия, прощай!

(Байрон 1981б: 142)

Переводы разных эпох выделяют в тексте разные доминанты. Кулиш, с одной стороны, находится в тональности переводимого текста, с другой — допускает определенные вольности в интерпретации. Так, он дает вольный «перепев» 4-й и 8-й строк. Кулиш актуализирует на вербальном уровне переживание героем расставания с отчизной. А последняя строфа звучит как метафора не только прощания с родиной, но и переживаемой переводчиком эпохи: «Что же развеселит нас во тьме?» Байрон в данном контексте подобного вопроса не ставит (ср.: *My native Land — Good Night!*). И в русских переводах мы тоже не находим подобного рода интерпретаций этой байроновской строки. Скорее всего, в этой строчке Кулиш передает общее переживание «тьмы мира», характерное для мировоззрения как Байрона, так и своего собственного.

ПЕРЕВОД ПЕРВОЙ ПЕСНИ «ДОН ЖУАНА» БАЙРОНА

Обратимся далее к переводу «Дон Жуана». Насколько нам известно, Кулиш первым предпринял попытку перевода на украинский язык последней (незавершенной) поэмы Байрона. Не первый, но образцовый для XIX в. перевод на русский язык «Дон Жуана» П. А. Козлова вышел в 1889 г. Трудности с переводом этой поэмы связаны с уникальным стилем Байрона. Д. П. Мирский в критической рецензии на перевод «Дон Жуана» М. А. Кузмина начала 1930-х годов перечисляет особенности стиля поэмы Байрона: естественность речи, сравнимая разве что с «Евгением Онегиным»; богатство и разнообразие словаря и интонаций, еще более широкое, чем в «Онегине»; богатые и неожиданные рифмы, как у Маяковского. Стиль «Дон Жуана» основан на «мотивированной игре стилистическими контрастами». Перевод «Дон Жуана» — это, по мысли Мирского, «подвиг, сравнимый с гнедичевской “Илиадой”» (см. публикацию рецензии Мирского: [Богомолов 2013: 82, 86]; см. ее анализ: [Гаспаров 1991: 218]). Вот на такой подвиг решился Кулиш, не имея фактически предшественников в области украинских переводов этой поэмы Байрона. Он выбрал не «ученый» тип перевода, а «перепев», который позволял более свободно экспериментировать в области лексики и ритмики.

Первое издание было журнальным, второе вышло отдельным оттиском в 1891 г. Второе издание предвлялось вступлением Кулиша «в духе Байрона», а далее следовал сам текст первой песни поэмы. Некоторые строфы Кулиш в переводе опустил (2–4, 6–7, 129–131, 189, 200–212, 219, 222). В этом была своя логика: Кулиш пропускает полемические рассуждения Байрона о современной ему английской поэзии. Украинский поэт стремится перевести текст, связанный с основным действием, — началом биографии и первым любовным эпизодом из жизни Дон Жуана. Перевод в соответствии с оригиналом сделан октавою. Байрон в поэме отказался от строгого языка и формул своеобразного поэтического «этикета». Новаторским был непринужденный тон обсуждения с читателем «между делом» (в частых отступлениях от повествования) проблем не только литературного творчества, но и общечеловеческих вопросов смысла жизни и смерти, природы человека. При этом поэт нередко обращался к жизненному опыту самих читателей и подчеркивал на уровне композиции соединение старой строфической формы с новой интонацией. Байрон предельно обнажал двухчастность строфы (6 + 2): пара заключительных строк служила, как правило, ироничным комментарием к тому, о чем сообщали предшествующие шесть стихов (лиро-эпический, или сатирический тип стихов). Среди русских поэтов А. С. Пушкин творчески использовал стилистические особенности октав Байрона². Для исследования творчества Кулиша это важно, так как освоение художественного наследия русского поэта было значимо для эволюции его художественного метода.

В. М. Жирмунский в книге «Байрон и Пушкин» подробно рассмотрел влияние лиро-эпических форм повествовательной манеры Байрона на повествовательную манеру Пушкина [Жирмунский 1978]. Творческое новаторство Пушкина имело колоссальное значение как для русской, так и для украинской литературы. В частности, Кулиш учился лиро-эпической манере у Пушкина и у Байрона параллельно. Упомянем автобиографическую поэму Кулиша «Евгений Онегин нашего времени (часть первая)». А. К. Дорошкевич в статье «Кулиш — героем роману» [Дорошкевич 1927] рассматривал автобиографизм этой поэмы. Но исследователь не касался вопроса о разработках украинским автором своей собственной стихотворной повествовательной манеры «в духе Байрона и Пушкина».

А Кулиш всю жизнь активно работал над совершенствованием собственной лиро-эпической манеры повествования. И его эксперименты с переводами больших поэм Байрона — «Паломничества Чайльд-Гарольда» и «Дон Жуана» — связаны именно с выработкой собственной повествовательной манеры, которую он потом использовал в своем творчестве, в частности в поэме «Кулиш в аду». Об этом свидетельствует посвящение Кулиша «До Василя Білозерця», которое предваряет тексты переводов поэм Байрона.

Посвящение, предвляющее публикацию перевода первой части «Дон Жуана», состоит из трех частей: 1) авторское посвящение в прозаической форме

² Так, в поэме А. С. Пушкина «Домик в Коломне» новое звучание октавам придают бесцезурный пятистопный ямб и прием чередования строф, открывающихся стихами с мужскими и женскими клаузулами (аВаВаВссАбАбАбСС).

В. М. Белозерскому; 2) «Эпиграф к посвящению» («Епіграф до присвяту») из «Дон Жуана» Байрона; 3) стихотворное посвящение Белозерскому в восьми строфах.

Авторское посвящение звучит следующим образом: *Отся тиха хуторна праця присвячена тихому голубоньку Братові Василеві Михайловичу Білозерському на спомин про Мотронівку і про Ганину Пустош* («Этот тихий хуторской труд посвящен тихому голубчику Брату Василию Михайловичу Белозерскому на память о Мотроновке и о Ганниной Пустоши (названия хутора, где Кулиш жил с женой последнюю часть жизни. — А. Т.)») (Дон Жуан 1891: 2). Эпиграф — шесть строк из 215-й строфы первой песни «Дон Жуана» Байрона приведен в оригинале:

No more, no more... Oh! Never more, my heart,
Canst thou be my sol world, my universe!
On ce all in all, but now a thing apart,
Thou canst not be my blessing or my curse;
The illusion's gone for ever, and thou ait
Insensible, I trust, but none the worse.

(Byron, "Don Juan", Canto I, stanza CCXV) (Байрон 1891: 3)

В переводе П. А. Кулиша:

Ніколи, серденько, ніколи вже тобі
Не бути Козмосом у всій моїй судьбі, —
Ні вічним джерелом блаженства вже не бути,
Ні пеклом, — ямою усіх надій отрути.
О ні! Погинули всі мрії, всі мечти.
Тепер холодне, хоч еси й не гірше ти.

(Байрон 1891: 55)

В переводе П. А. Козлова:

Я только сердцем жил, но без пощады
Его разбила жизнь. Прости, любовь!
За муки от судьбы не жду награды.
Былые сны мне не волнуют кровь.
Источником проклятий и отрады,
О, сердце! Для меня не будешь вновь.
Мне опытность собою заменила
Рой светлых грез, но жизнь мне отравила.

(Байрон 1905б: 232)

В наиболее известном переводе Т. Г. Гнедич:

О, никогда не испытаю я,
Как это сердце ширится и тает,
Вмещая все богатства бытия,
И гневом и восторгом замирает.

Прошла навек восторженность моя.
Бесчувственность меня обурекает.
(Байрон 1981a: 110)

Сердце как источник личного опыта и развития человека — одна из важнейших тем Байрона. С ней непосредственно связана и тема любви. У Кулиша мотив сердечных, любовных страданий — это и тема Байрона, и прожитый сквозь поэтические достижения английского поэта собственный путь любовных увлечений. И Кулишу в переводе удастся передать мысль Байрона: он не жалеет об утраченных иллюзиях, бесчувственность сердца для него не приговор. Сердце осталось неизменным (ничуть не хуже того, каким было раньше, хоть и охладело к страстям): так, мысль Байрона точно передана украинским переводчиком (в русских переводах П. А. Козлова и Т. Г. Гнедич этот смысл не передан). Почему эта мысль так важна для П. А. Кулиша? «Перепев» «Дон Жуана» Байрона он превращает в рассказ о своей жизни, о своей судьбе, используя сюжет сердечных переживаний героя знаменитой английской поэмы. Так, Кулиш отбрасывает посвящение Байрона и пишет целиком свой вариант. В стихотворной части посвящения украинский автор в восьми строфах вспоминает вехи своей судьбы: о давних отношениях с В. М. Белозерским, об увлечении историей казачества, участии в Кирилло-Мефодиевском братстве и преследованиях за участие в национальном общественном движении. В преддверии XX в. Кулиш пишет о необходимости спасти сокровища человеческого разума от мрака тупого деспотизма. И эта цель объединяет его с великим английским поэтом. И уже VI–VIII строфы посвящения непосредственно написаны о Байроне. В них проясняется понимание Кулишом смысла «Дон Жуана». Про Байрона украинский автор пишет:

VI

*Як вісімнадцятий казився Вік всетечний,
Тоді почав рости один такий, що всіх
Братів о Господі в любові бесконечній
Вбачав і розумів серед земних утіх.
Недбалий він про все удався і беспечний,
Впадав незгірш і сам у первородний гріх;
Та почасти зринав на Світ з гріха безодні
І жаром каяття налив серця холодні.*

VII

*І душу нам свою непевною, сумну,
У книзі виявив, котрій не знали рівні.
Суворо на свою отчизну позирнув,
Як ми на всобиці і ледарства Вкраїні.
І що умом ясним і серденьком збагнув,
Те словом мудрості прикидно-юродивим,
Палючим і ніжним у спадок завіщав
Таким як Гете мов, самобутним умам.*

VIII

*Нема в нас розуму глибокого такого
І слова віщого про наших правнучат:
Подаймо-ж книгу їм Учителя чужого,
Що довго буде ще народи наставлять,
Як вберегтися їм від духа підступного,
Що звик Наукою Лукавство прикривать,
Тим часом свій кукіль, що зветься Егоїзмом,
Всіває, граючи у жмурки з містицизмом.*

(Байрон 1891: 4–5)

VI

Как восемнадцатый бесился дерзкий век,
Тогда начал расти один такой, который всех
Братьев о Господе в любви бесконечной
Видел и понимал среди земных утех.
Небрежный он во всем явился и беспечный,
Впадал и сам он в первородный грех,
Однако часто выплывал на Свет из греха бездны
И жаром покаяния наполнил сердца холодные.

VII

И душу нам свою неустойчивую, печальную,
Вплотил в книге, которой не знали равные.
Сурово на свою отчизну он взглянул,
Как мы на уособицы и лености Украины,
И что ясным умом и сердечком понял,
То словом мудрости как будто юродивым,
Палящим и нежным в наследство завещал
Таким как Гете был, самобытным умам.

VIII

Нет в нас разума глубокого такого
И слова вещего для наших правнуков:
Дадим же книгу им Учителя чужого,
Который долго еще будет народы наставлять,
Как уберечься им от обольстительного духа,
Который привык Наукой Лукавство прикрывать,
В то время когда свой куколь, прозванный Эгоизмом,
Всеваает, играя в жмурки с мистицизмом.

Кулиш видит в Байроне настоящего христианина, Учителя, который хоть и грешил, но каялся («жаром покаяния наполнил холодные сердца»). Байрон дал человечеству «слово мудрости», «пылающее и нежное», защищающее от лука-

вого духа и плевел эгоизма. И задача Кулиша дать перевод поэмы Байрона «Дон Жуан» в помощь молодому поколению украинцев как своего рода учебник жизни, как средство уберечься от греховных страстей, ворота которым открывает человеческий эгоизм. Не случайно возникает имя Гете. Франко, переводя «Фауста» Гете в это же время, трактовал судьбу героя как путь от эгоизма к самопожертвованию. В итоге Фауст познает смысл жизни в самоотдаче ради счастья других людей. Кулиш видит в «Дон Жуане» Байрона этико-моральную задачу поэта вскрыть суть, исток греховных, эгоистических страстей героя и художественными средствами отвлечь читателя от порочной жизни. Этой этико-религиозной и просветительской задаче и был посвящен перевод Кулиша «Дон Жуана» Байрона. При этом «перепев» Кулиша носил глубоко личный характер: он писал об уже изжитых своих страстях, опираясь на опыт собственных сердечных переживаний. Принципиально важной стала для него и отработка приемов собственно повествовательной лиро-эпической манеры, которые он использовал в последней своей поэме «Кулиш в аду».

Имя Гете, возникающее в посвящении к «Дон Жуану» Кулиша, для нас важно и в плане историко-литературной параллели, проясняющей своеобразие прочтения «Дон Жуана» украинским автором «перепева». Как известно, Гете сам перевел отрывок из «Дон Жуана» с замечательным комментарием, посвященным вопросу о переводе этого произведения. Гете высоко ценил творчество Байрона, трагическая смерть которого тоже вызвала его сочувственный отклик. Но оценка «Дон Жуана» достаточно неоднозначна, особенно в этическом плане, на котором делает акцент Кулиш. В частности, Гете пишет:

«Дон Жуан» — бесконечно гениальное произведение, насыщенное человеконенавистничеством, доходящим до грубой жестокости, и человеколюбием, корнящимся в глубинах преданной нежности. <...> Причудливому, дикому содержанию соответствует и техника стиха; поэт так же мало церемонится с языком, как с людьми; и при более близком рассмотрении мы убеждаемся, что английская поэзия теперь обладает уже вполне выработавшимся сатирическим языком, которым совсем еще не владеют немцы (Гете 1937: 616).

Вопрос об этичности сочинения Байрона Гете решает двояко: с одной стороны, он называет поэму «величайшей безнравственностью, когда-либо воплощавшейся в поэтической форме» (Гете 1937: 617). С другой стороны, он пишет:

...едва ли надо опасаться, что напечатание этой вещи принесет значительный нравственный вред; уж очень странно должны себя повести наши поэты и писатели, чтобы нанести больший урон нравственности, чем это делают современные газеты (Гете 1937: 618).

На нравственном характере собственного сочинения настаивал сам Байрон. Он пишет об этом уже в первой песне «Дон Жуана». Причем это утверждение соседствует с констатацией фривольности основной сюжетной линии любовных походов героя, описание которых бьет по общепринятым нравствен-

ным устоям общества. Байрона как бы не смущает противоречие между двумя утверждениями. Исследователями поэмы это противоречие осмыслялось по-разному. Упомянем статью Н. П. Дашкевича «Поэма Байрона о Дон Жуане», хронологически близкую переводу Кулиша. Так, Дашкевич дает свое объяснение слов Гете:

Называя «Дон Жуана» самым безнравственным поэтическим произведением, какое только знал, Гете разумел не самые по себе любовные похождения его героя, выходящие, конечно, из всяких пределов, полагаемых «нравственностью», а что-то другое. Вероятно, Гете имел в виду, что чувственность Байронова Дон Жуана не столь наивна, как у испанского Дон Жуана, а сопряжена с издевательством. Она исходит подчас из безнравственности, возведенной в принцип, и из мрачно-скептического мировоззрения, не имеющего никаких опор в самом себе, а лишь идущего вразрез со сложившимся нравственным миропорядком, который признавал и Гете, несмотря на то что также был не особенно строг в любовных похождениях [Дашкевич 1905: 202].

По Дашкевичу, «смысл поэмы Байрона заключался главным образом в скептицизме и иронии, наполняющих почти все произведение» [Дашкевич 1905: 201]. Поэт знал цену английскому ригоризму в сфере морали и религии, и сатира его направлена была на подрыв ложных и поиск истинных ценностей в жизни. Дашкевич, в отличие от украинского автора, только ставит непростой вопрос о положительном смысле всеразрушающей и подрывающей сатиры Байрона. Для Кулиша этот вопрос на этапе перевода «Дон Жуана» уже решался однозначно. Мучительный вопрос «Что же развеселит нас во тьме?» («Чим же ми в пітьмі звеселимося?») в авторском посвящении Кулиша к «перепеву» поэмы получает свое разрешение в портрете Байрона — Учителя, оставившего потомкам великое Слово.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Переводы сочинений Байрона чрезвычайно значимы для понимания творчества Кулиша. Украинский писатель был генетически связан именно с эпохой романтизма, и Байрон являлся для него образцом как в личном, так и в творческом планах. Опыт перевода первой части «Дон Жуана» занимает особое место в творческой лаборатории украинского писателя. Так, сквозь призму поэтического гения Байрона, вершинным достижением которого явилась его последняя поэма, Кулиш осмыслял свой опыт сердечных увлечений, усваивал поэтические достижения европейской культуры, формировал свою лирико-повествовательную манеру письма. Под знаком английского поэта проходил его путь духовного становления. Байрон для Кулиша — образец личности и писателя, который в своих сочинениях оставался верен общечеловеческим нравственным идеалам. Исконный разлад идеала и действительности — источник тех страданий, от ко-

торых Байрон нашел спасение в героической смерти, — был понятен Кулишу. И украинский поэт в последней своей поэме «Кулиш в аду», как бы заглядывая «по ту сторону бытия», снова вспоминал Байрона и его музу. Сатира Кулиша — это последний поклон Байрону и последняя попытка Кулиша послужить обществу своим пером.

Источники иллюстративного материала

- Байрон Дж. Г.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Дон Жуан / пер. с англ. Т. Г. Гнедич. М.: Правда, 1981а.
- Байрон Дж. Г.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Паломничество Чайльд-Гарольда / пер. с англ. В. В. Левика. М.: Правда, 1981б.
- Гете В.* Собрание сочинений: в 13 т. Т. 10 / пер. с англ. Н. А. Холодковского; ред. и коммент. В. М. Жирмунского, Н. Н. Вильям-Вильмонта. М.: Художественная литература, 1937.
- Байрон Г.* Чайльд-Гарольдова мандрівка / перекл. П. Куліш. Львів: Літературно-наукова бібліотека, Українсько-руська видавничя спілка у Львові, 1905а.
- Байрон Дж. Г.* Дон Жуан / пер. П. Козлова; доп. пер. О. Н. Чюминой вновь найденной XVII песни; предисл. Н. П. Дашкевича // Байрон Дж. Г. Полное собрание сочинений: в 3 т. / под ред. С. А. Венгерова. Т. 3. СПб.: Изд. Брокгауза-Ефрона, 1905б. С. 193–425.
- [*Байрон Дж. Г.*] Дон Жуан. Поэма Лорда Байрона / переспів П. О. Куліша. Львів: Накладом редакції «Правди», з друкарні товариства імені Шевченка, 1891.
- Куліш П.* Твори в двох томах. Т. 1. Київ: Дніпро, 1989.
- Куліш П.* Повне зібрання творів. Листи: в 2 т. Т. 2. 1850–1856. Київ: Критика, 2009.
- [*Куліш П.*] Сочинения и письма П. А. Кулиша / изд. А. М. Кулиш: 5 т. Т. 3. Киев: Критика, 1909.
- Шевченко Т. Г.* Повне зібрання творів у дванадцяти томах. Т. 4. Київ: Наукова думка, 2003.
- Byron G. G.* Childe Harold's Pilgrimage. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1956.

Литература

- Богомолов Н. А.* Из истории переводческого ремесла в 1930-е годы (М. А. Кузмин в работе над «Дон Жуаном» Байрона) // Русская литература. 2013. № 3. С. 44–86.
- Гаспаров М. Л.* Неизвестные русские переводы байроновского «Дон Жуана» // Великий романтик. Байрон и мировая литература / отв. ред. С. В. Тураев. М.: Наука, 1991.
- Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, 1978.
- Дашкевич Н. П.* Поэма Байрона о Дон Жуане // Байрон Дж. Г. Полное собрание сочинений: в 3 т. / под ред. С. А. Венгерова. Т. 3. СПб.: Изд. Брокгауза-Ефрона, 1905. С. 193–209.
- Дорошкевич А. К.* Куліш — героєм роману // Куліш П. Збірник праць комісії для видавання пам'яток новітнього письменства / за ред. С. Єфремова та Ол. Дорошкевича. Київ: Українська академія наук, 1927. С. 157–170.
- Дьяконова Н. Я.* Английский романтизм. М.: Ленанд, 2022.
- Зорівчак Р. П.* Байрон // Шевченківський словник: у 2 т. Т. 1 / відповід. ред. Є. П. Кириллюк. Київ: УРЕ, 1976. С. 52–53.
- Левин Ю. Д.* Поэзия Байрона в переводах М. П. Вронченко // Великий романтик. Байрон и мировая литература / ред. С. В. Тураев. М.: Наука, 1991.
- Нахлік Є. К.* Пантелеймон Куліш // Історія української літератури XIX століття: у 3 кн. Кн. 2 / за ред. М. Т. Яценка. Київ: Либідь, 1996.

Нахлік Є.К. Подружнє життя і позашлюбні романи Пантелеймона Куліша. Київ: Український письменник, 2006.

References

- Bogomolov N. A. From the history of the translation profession in the 1930s (M. A. Kuzmin in his work on Byron's *Don Juan*). *Russkaya literatura*, 2013, no. 3, pp. 44–86. (In Russian)
- Djakonova N. Y. *English romanticism*. Moscow, Lenand Publ., 2022. (In Russian)
- Dasckevich N. P. Byron's poem about Don Juan. Byron J. G. *Polnoe sobranie sochineniy*. Ed. by S. A. Vengerov. In 3 vols. Vol. 3. St Petersburg, Brokhaus-Efron Publ., 1905, pp. 193–209. (In Russian)
- Doroshkevich A. K. Kulish as the hero of the novel. Kulish P. *Zbirnik prats komisii dla vidavannia pam'iatok novitniogo pismenstva* / ed. by S. Efremov, O. Doroshkevich. Kyiv, Ukrain'ska akademiia nauk Publ., 1927, pp. 157–170. (In Ukrainian)
- Gasparov M. L. Unknown Russian translations of Byron's "Don Juan". Turaev S. V. (ed.). *Velikiy romantik. Bayron i mirovaia literatura*. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 211–220. (In Russian)
- Levin Yu. D. Byron's poetry in translations by M. P. Vronchenko. Turaev S. V. (ed.). *Velikiy romantik. Bayron i mirovaia literatura*. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 200–210. (In Russian)
- Nachlik E. K. Pantelejmon Kulish. Jazenko M. T. (ed.). *Istoriia ukrainskoy literaturi XIX stolitia*. In 3 bks, bk 2. Kyiv, Libid' Publ., 1996. (In Ukrainian)
- Nachlik E. K. *Family life and extramarital affairs of Pantelejmon Kulish*. Kyiv, Ukrain'ski pis'mennik Publ., 2006. (In Ukrainian)
- Zhirmundsky V. M. *Byron and Pushkin. Pushkin and Western Literature*. Leningrad, Nauka Publ., 1978. (In Russian)
- Zorivchak R. P. Byron. Kirilyuk E. P. (ed.). *Shevchenkivski slovnik*. In 2 vols, vol. 1. Kyiv, URE Publ., 1976, pp. 52–53. (In Ukrainian)

Сведения об авторе

Тоичкина Александра Витальевна

Кандидат филологических наук, доцент

Санкт-Петербургский государственный университет

Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Alexandra V. Toichkina

PhD in Philology, Associate Professor

St Petersburg State University

7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: a.toichkina@spbu.ru

SPIN-код РИНЦ: 9205-3229

SPIN-код Web of Science: D-1869-2016

ORCID: 0000-0002-3723-1553